

Чернякова Наталия Степановна

**ФИЛОСОФИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

В статье утверждается, что исследованные М. Хайдеггером аксиологические представления Ницше являются лишь формой выражения ценностного нигилизма, господствующего в сознании субъекта европейской культуры эпохи постмодерна, но не отражением сущности человека и ценностей. Аксиологическое содержание идей самого Хайдеггера свидетельствует о том, что даже отказ от термина "ценность" не сможет изменить объективные особенности смыслополагания, присущие человеку как субъекту культуры.

Адрес статьи: [www.gramota.net/materials/3/2016/10/53.html](http://www.gramota.net/materials/3/2016/10/53.html)

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 10(72) С. 199-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: [www.gramota.net/editions/3.html](http://www.gramota.net/editions/3.html)

Содержание данного номера журнала: [www.gramota.net/materials/3/2016/10/](http://www.gramota.net/materials/3/2016/10/)

**© Издательство "Грамота"**

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: [www.gramota.net](http://www.gramota.net)

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: [hist@gramota.net](mailto:hist@gramota.net)

может быть названа предсмертная, автобиографического содержания Альтовая соната Д. Шостаковича, основанная на принципе самоцитирования.

Авторская художественная стратегия самоповтора характерна для изобразительного искусства, хотя и не является его атрибутивным свойством. Так, в известном школьном триптихе Ф. П. Решетникова развернута система автоповторов, тематически объединяющая работы разных лет. Показательно, что актуализация принципа самоцитирования исходит из личностной мотивации, в большинстве случаев определяется программностью замысла, который последовательно раскрывается в рамках, охваченных автоинтертекстуальностью произведений.

Обобщая вышеизложенное, отметим следующее. Понятие «самоатрибуция», каким оно сложилось в результате развернутого теоретизирования и анализа примеров ряда художественных произведений, представляет собой именную, имманентную какому-либо автору, в проекции на текстовое пространство другого произведения этого автора. Максимально репрезентативными видами атрибутивного знака являются автомонограмма и самоповтор-автоцитирование.

#### Список литературы

1. **Атрибут** [Электронный ресурс] // Философия: энциклопедический словарь. URL: [http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc\\_philosophy/115/АТРИБУТ](http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/115/АТРИБУТ) (дата обращения: 01.08.2016).
2. **Нестеров А. В.** Еще раз о цитировании и самоцитировании в публикационной академической коммуникации [Электронный ресурс]. URL: [http://mirbis.ru/data/image/\(1\).pdf](http://mirbis.ru/data/image/(1).pdf) (дата обращения: 22.08.2016).
3. **Романец М. С.** Формы функционирования автоцитаты (на примере автоцитаты Мориса Равеля) [Электронный ресурс]. URL: <http://glierinstitute.org/ukr/digests/050/27.pdf> (дата обращения: 01.08.2016).
4. **Савенко С. И.** Хаос как проблема музыкального искусства // Концепты хаоса и порядка в естественных и гуманитарных науках. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2011. С. 401-406.

#### SELF-ATTRIBUTIVE STRATEGIES OF *HOMO MUSICUS*

**Chepelenko Kseniya Olegovna**, Ph. D. in Sociology

*Institute of Business Development and Strategies of Yuri Gagarin State Technical University of Saratov*  
*kseniya\_ch@list.ru*

The article focuses on self-attributive strategies of *Homo musicus*. Self-attribution as a communicative phenomenon refers to self-reflection, auto-communication, at the same time an act of self-attribution is focused on the recipient. Self-attribution theoretical provisions correlate with certain philological theories such as the author's modality theory, referentiality theory (in the aspect of self-referentiality), predicative theory, authorological theory. Their synthesis makes it possible to develop a methodological system of approaches immanent to the problem of self-attribution of *Homo Aestheticus*.

*Key words and phrases:* creative strategy; self-attribution; *Homo Aestheticus*; author's modality theory; author's referentiality theory; authorology.

УДК 165.62

#### Философские науки

*В статье утверждается, что исследованные М. Хайдеггером аксиологические представления Ницше являются лишь формой выражения ценностного нигилизма, господствующего в сознании субъекта европейской культуры эпохи постмодерна, но не отражением сущности человека и ценностей. Аксиологическое содержание идей самого Хайдеггера свидетельствует о том, что даже отказ от термина «ценность» не сможет изменить объективные особенности смыслополагания, присущие человеку как субъекту культуры.*

*Ключевые слова и фразы:* философия Хайдеггера; ценности; постмодернизм; смыслополагание; истина.

**Чернякова Наталия Степановна**, д. филос. н., профессор

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена*  
*Cherns2011@yandex.ru*

#### ФИЛОСОФИЯ М. ХАЙДЕГГЕРА В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аксиологический дискурс постмодернизма стал логическим завершением европейского нигилизма и ницшеанской программы «переоценки ценностей», превратив ценности из метафизического условия осуществления воли к власти в повседневный символ ничтожности бытия и человека. Господствующее в постмодернистской аксиологии отождествление ценностей с любыми значимыми для человека материальными и духовными благами является превращенной формой полного отрицания всего, что придает смысл человеческой жизни.

М. Хайдеггер с исчерпывающей полнотой выразил презрение философа к такому пониманию человеческого существования, при котором Бытие превращается в набор «ценностей», удовлетворяющих прихоти субъекта, чье недомыслие зашло так далеко, что он даже Бога называет «ценностью». Осуществленный

Хайдеггером анализ европейского нигилизма воспринимается сегодня как описание обыденного сознания человека эпохи постмодерна, именуемого ценностями все, что угодно, лишь бы подобное словоупотребление служило подходящим к случаю идеологическим оправданием «для расчета на возрастание власти из осознанного исполнения воли к власти» [2, с. 101].

По мнению Хайдеггера, сама идея ценностей, унижающая достоинство Бытия и Бога (см.: [5, с. 212]), возникла исключительно вследствие нигилистического отношения европейской философии Нового времени ко всему, что выходит за пределы субъекта как единственного активного начала мироздания. Именно принцип субъектно-объектного отношения человека с бытием, как считал Хайдеггер, порождает потребность и необходимость в самообосновании субъективного существования, не укорененного в объективном и бесконечно превосходящем субъекта Бытия. Стоит лишь отказаться от субъектно-объектного отношения и рассматривать человека как «соседа» или «пастуха» Бытия [Там же, с. 208], и идея ценностей окажется, по мнению Хайдеггера, излишней.

Вопрос, однако, в том, действительно ли нищезанско-постмодернистская трактовка ценностей является единственно возможной, а такая интерпретация идеи ценностей, которая не унижает ни Бытие, ни Бога, ни человека, просто не может существовать?

На мой взгляд, исследованные Хайдеггером аксиологические представления Ницше являются лишь формой выражения ценностного нигилизма, господствующего в сознании субъекта европейской культуры эпохи постмодерна, но не отражением сущности человека и ценностей. Более того, идеи самого Хайдеггера имеют несомненное аксиологическое содержание, которое свидетельствует о том, что даже отказ от термина «ценность» не сможет изменить объективные особенности смыслополагания, присущие человеку как субъекту культуры. Категориальный контекст идеи ценностей: смысл, цель, основание, – который выделил сам Хайдеггер, является отражением объективных особенностей человеческого существования и не зависит от той или иной трактовки Бытия.

Нельзя не согласиться с Хайдеггером в том, что Бытие есть Без-дна, бесконечно превосходящая границы исчисленного сущего, т.е. своего же собственного явления в форме предметности. Однако никакая трактовка Бытия не может изменить того, что человек *осознает* свое бытие, т.е. находится с миром в определенном *отношении*, на одной стороне которого выступает он сам как субъект деятельности, а на другой – то, что является объектом его деятельности, какой бы характер эта деятельность ни носила. Субъектно-объектное отношение не могло бы стать излишним даже в том случае, если бы все основное, определяющее, фундаментирующее наше знание о мире происходило *до* того, как мы об этом узнали. Понимание как сущности Бытия, так и того, что происходит в сфере дорефлексивного состояния психики, невозможно вне и помимо познавательного – субъектно-объектного – отношения, которое не сводится исключительно к теоретическому и не может быть элиминировано как якобы «навязанное» философии гносеологической установкой Нового времени.

Самоопределение индивида в качестве субъекта социокультурной деятельности, а не только биологического организма, есть результат самосознания и рефлексии по поводу собственного бытия. Нельзя быть ни «соседом», ни «пастухом» Бытия, не осознавая этого. Субъективность, не знающая о своем существовании, неотличима от объективности и субъективностью в собственном смысле не является. И даже если бы «подлинное бытие» было действительно явлено в «предварительном понимании», как считал Хайдеггер, то явление это происходило бы не столько в «просвете», сколько во мраке человеческого существования, ибо суть «просвета» состоит опять-таки в осознанности этого существования, которая невозможна без самосознания и рефлексии.

То, что было, есть или будет до того, как сознающее-себя-бытие об этом узнает, – это и есть объект познания, т.е. то, о чем субъект знает или не знает, хочет узнать или никогда не узнает, и что существует вне и независимо от знания субъекта о нем. Но *узнать* об этом нечто иначе, чем через акт познания, сознающее-себя-бытие не может. Никакого иного способа, кроме вступления с миром в познавательное, субъектно-объектное отношение, для достижения любого рода *знания* у сознающего-себя-бытия не существует. Поэтому отрицание субъектно-объектного отношения как имманентного сущности сознающего-себя-бытия превращает само определение этого бытия как *сознающего себя* в бессмысленное.

Особенность сознающего-себя-бытия в том и состоит, что это бытие способно дифференцировать себя на субъект и объект и благодаря этому *знать* о своем собственном существовании. Иначе говоря, *сознающее-себя-бытие* – это *бытие, знающее о своем существовании*. Не знать о своем бытии – не значит не быть. Не знать – значит не осознавать, т.е. буквально – не обладать знанием своего бытия, ибо сознание всегда свидетельствует об одном и том же: о существовании *Я*, отличном от существования окружающей среды. Поэтому «включение» сознания неотделимо от *само-со-знания*, а *быть в сознании* – значит *знать* о бытии хотя бы одного сущего – себя самого. И если под сознанием понимается именно со-знание, то знание есть тот атрибут, который отличает сознательную деятельность человека от психики животных.

Только человек как сознающее-себя-бытие обречен сознанием своей конечности на поиски смысла собственного бытия и бытия окружающего его мира. Будучи частью материального мира, социокультурное бытие порождает особую – идеальную – реальность, которая существует по своим собственным законам, отличным от законов материального мира, и несет в себе запрос о смысле, предопределяющий характер жизнедеятельности человека как социального существа и субъекта культуры. Неразрывное единство материального и духовного начал как сущность социальности обеспечивается лишь непрерывностью смыслополагающей деятельности, вырабатывающей исторически конкретные формы особого – социокультурного – приспособления существа вида *Ното sapiens* к окружающему миру.

Именно социокультурная деятельность как деятельность сознающего-себя-бытия порождает уникальную потребность – потребность в определении смысла деятельности, которая удовлетворяется в процессе

выработки особой – духовной мотивации, включающей в себя как предшествующее любому акту практической деятельности идеальное преобразование действительности, так и процесс обоснования этого идеального преобразования в качестве цели.

Духовная мотивация жизнедеятельности осуществима лишь при условии преодоления сознающим-себя-бытием чуждости материального мира и обосновании смысла собственного существования. Именно фундаментальная потребность в осмысленности существования обрекает сознающее-себя-бытие на вечный диалог с самим собой, в котором это бытие спрашивает и отвечает не только от своего имени, но и от имени Мира, Вселенной, Вечности, ища смыслы окружающих его и порожденных им самим явлений.

То, что удовлетворяет фундаментальную потребность сознающего-себя-бытия в осмысленности существования и обоснованности целей деятельности, можно поименовать различными терминами, за любым из которых, однако, будет стоять одно и то же понятие, отображающее то, что является элементом смыслового пространства культуры и воплощает в себе конечные цели-смыслы человеческой жизнедеятельности. Замена термина «ценность» на какой-либо другой или полный отказ именовать каким бы то ни было термином конечные смыслы человеческого существования не могут изменить сущности процесса смыслополагания и его места в человеческой жизнедеятельности.

Ценностное самоопределение человека – это не лингвистическая проблема, решить которую можно переименованием, переформулированием, редактированием, реформатированием и прочими процедурами текстовой деятельности, к которой постмодернизм сводит все человеческое существование. Онтологический статус ценностей определяется тем, что они являются моментами логики самообоснования сознающего-себя-бытия в качестве особой реальности, отличающейся от животного существования, и рождаются в духовном мире человека в результате поиска тех конечных оснований, которые делают осмысленными любые цели, средства и результаты культуротворческой деятельности. Одним из таких конечных оснований является Истина.

Трудно переоценить значение того, что написано Хайдеггером об истине, для преодоления гносеологического редукционизма и понимания ценностной природы истины [6]. В отличие от неопозитивистов, сводивших гносеологию к семантике, и постмодернистов, провозгласивших наличие «множества истин» (см. об этом: [7]), Хайдеггер утверждал, что истина – «это глубочайшее противоборство человеческого существа с самим сущим в целом», которое «не имеет ничего общего с доказательством тех или иных положений за письменным столом» [4, с. 136]. «В истине сущее исторгается из утаенности» [Там же] в том смысле, что признать нечто истинным возможно только в результате свободного полагания, или «высвобождающего допущения», бытия сущего.

Свобода действительно является сущностью истины [3, с. 19], поскольку без свободного допущения бытия сущего как первичного акта никакое познание в принципе невозможно. Основанием познавательной деятельности всегда выступает то, что трансцендентно по отношению к сознающему-себя-бытию и его познанию. Именно поэтому в основе древнегреческой – «классической» – концепции истины лежит идея о том, что вне и помимо мысли, истинность которой подвергается проверке, существует действительность (бытие, объективная реальность, сущее-само-по-себе), которой мысль должна соответствовать, чтобы быть истинной.

Хайдеггер был едва ли не единственным философом XX в., который поставил вопрос не о том, применимо ли классическое определение истины, а о том, понимаем ли мы суть древнегреческой концепции истины. Тот факт, что имя Хайдеггера встречается в литературе, посвященной истине, несравненно реже, чем имя А. Тарского, является символом того, до какой степени поставленный Хайдеггером вопрос остался непонятым, а данный им самим ответ – неприемлемым как для сторонников редукционистского подхода к проблемам гносеологии, так и для всех постмодернистски мыслящих аксиологов.

Хайдеггер совершенно справедливо считал, что «(р)еализм и идеализм с одинаковой основательностью промахиваются мимо смысла греческого понятия истины» [1, с. 34] именно потому, что трактовка соответствия мысли и вещи в духе сопоставимости двух наличных искажает сущность древнегреческого понятия *ἀλήθεια*.

Когда Хайдеггер обратил внимание на то, что трактовка *adaequatio* как сопоставимости двух наличных: мысли и вещи – искажает сущность древнегреческого понятия *ἀλήθεια*, то имел в виду не столько то, что отражение – это не слепок, репрезентация – не копия, а процесс познания – сложен и противоречив, сколько то, что истинная мысль – это и есть явление самого бытия в его подлинности. При этом отношение между идеально сущим и реально наличным имеется в фактическом суждении не только между содержанием суждения и реальным объектом, но и *между идеальным содержанием и реальным осуществлением суждения*. Именно «реальное осуществление суждения» как процесс, как событие жизнедеятельности сознающего-себя-бытия остается вне поля зрения всех сторонников отождествления гносеологических отношений с семантическими, математическими или физическими.

Если мы отвлечемся от специфически феноменологической установки Хайдеггера на отождествление истины-алетейи с самим бытием, то должны будем признать, что суждение действительно перестает быть местопробыванием истины в тот момент, когда осуществляется скрытая и неосознаваемая редукция суждения как формы мышления, *λογος* к языковому выражению, к знаковой формуле. В семантическом соотношении языковых выражений с референтами действительно нет никакого специфически гносеологического содержания. Это содержание появляется лишь тогда, когда субъект познания не знает, соответствуют ли возникающие в его сознании образы сущему-самому-по-себе, т.е. не может оперировать своими образами так же, как моделями и картами, о которых точно известно, отображениями чего именно они являются, или как знаками, значение которых им самим установлено.

Процесс установления истинности той или иной мысли нельзя представлять в виде сопоставления независимого от сознания субъекта содержания этой мысли со столь же независимой от сознания объективной реальностью, ибо сам вопрос об истинности возникает только и исключительно в ситуации проблематичности существования тех характеристик, которые познающий субъект приписывает сущему-самому-по-себе. Только потому, что существование так или иначе понимаемого трансцендентного объекта всегда лишь «свободно допущено» в качестве онтологической предпосылки, собственно познание и состоит в решении вопроса об истинности этого допущения.

Мышление не может существовать, не высказывая себя в суждениях, но истинность суждения, в отличие от семантического значения языкового выражения, означает вовсе не соответствие двух наличных объектов, а явление сущего в сужающем о нем мышлении. Мысль – это не карта и не модель, которые можно сверять с местностью или сравнивать с объектом моделирования. Мысль не только не тождественна объекту, мысль есть продукт жизнедеятельности субъекта, состояние его сознания, «живая мысль». Субъект познания не может взглянуть на свою собственную мысль, как на карту или схему, «со стороны», потому что содержание его мысли – это и есть то, что замещает в сознании субъекта объект познания, и субъект оперирует мыслями как самими объектами даже тогда, когда не знает, соответствуют ли они объектам или нет.

Суждения являются истинными тогда и только тогда, когда в них выражено (репрезентировано, представлено, отражено, явлено) сущее-само-по-себе. Именно в этом смысле содержание суждения согласовано, находится в соответствии с сущим-самим-по-себе, а суждение как форма мышления является «модусом усвоения раскрытости», по выражению Хайдеггера. Истинность мышления состоит в его способности не быть по-мехой, скрывающей бытие от человеческого взгляда. *Истинность* означает несокрытость, неутаенность бытия в содержании мышления. Истинность мысли определяется причастностью того, что в ней утверждается, тому, что существует вне мысли. Если мышление истинно, то сквозь него *просвечивает бытие*.

Таким образом, категория «истина» сказывается не об отношении высказывания к референту, а об отношении «живой мысли» к бытию сущего. А это значит, что с бытием сущего соотносится мышление (разум, сознание) как атрибут познающего субъекта. И только для познающего субъекта, «захваченного» Бытием, находящегося в состоянии «бодствования», как считал Хайдеггер, Бытие оказывается явленным, продолжая оставаться сокрытым в своей глубочайшей сущности и обрекая человека на вечные блуждания в поисках Истины Бытия.

Вопрос «Что есть Истина?» всегда будет выражать человеческую неуверенность в том, какие из своих и чужих идей и деяний считать соответствующими подлинной сущности Бытия. Будучи целью жизнедеятельности субъекта культуры, истинное содержание сознания, выраженное в утверждениях о Бытии, или сущем-самом-по-себе, неотделимо от социокультурной, «человекообразной» формы своего существования. И «добывание Истины» всегда будет наиважнейшей, фундаментальной смысложизненной целью сознающего-себя-бытия, стремясь к которой человек пытается выйти за пределы себя самого как познающего субъекта к тому, что предстоит ему в качестве объекта, сущего-самого-по-себе.

В заключение можно сказать, что, даже если бы сам Хайдеггер отверг всякую попытку интерпретировать его философию в аксиологическом духе, содержание его идей открывает возможность такой интерпретации. И эта возможность должна быть использована философами, которые не могут отторгнуть вместе с аксиологическим дискурсом постмодернизма те фундаментальные проблемы человеческого бытия, которые находят в этом дискурсе лишь превращенную форму своего отражения.

#### Список литературы

1. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихин. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 63-176.
3. Хайдеггер М. О сущности истины // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: сборник / пер. с нем.; под ред. А. Л. Доброхотова. М.: Высшая школа, 1991. С. 8-27.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопросы философии. 1989. № 9. С. 116-163.
5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 192-220.
6. Чернякова Н. С. Содержание и смысл категории «истина». СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. 244 с.
7. Chernyakova N. S. "Truth" as the Word and as the Notion // International Journal of Language & Linguistics. 2015. Vol. 2. № 2. P. 57-59.

#### M. HEIDEGGER'S PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF AXIOLOGICAL DISCOURSE

Chernyakova Nataliya Stepanovna, Doctor in Philosophy, Professor  
Herzen State Pedagogical University of Russia  
Cherns2011@yandex.ru

The article states that axiological ideas of Nietzsche examined by M. Heidegger are only a form of expressing value nihilism dominating in the consciousness of the subject of the European culture of the postmodernity era, but not a reflection of the human's essence and values. The axiological content of Heidegger's ideas testifies to the fact that even the rejection of the term "value" will not change the objective features of conceptualization inherent in the person as a subject of culture.

*Key words and phrases:* Heidegger's philosophy; values; postmodernism; conceptualization; truth.